

О. ГЕНРИ

*СУПРУЖЕСТВО
КАК ТОЧНАЯ НАУКА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

О. Генри

Супружество как точная наука

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1899–1909

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

О. Генри

Супружество как точная наука / О. Генри — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 1899–1909 — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-137795-3

Около ста двадцати лет человечество читает рассказы О. Генри – смешные и лирические, оригинальные и такие яркие. Они не устаревают, ведь обычные люди – герои этих историй – во все времена остаются прежними. Кто не слышал этих названий: «Последний лист» и «Русские соболя», «Квадратура круга» и, конечно, «Дороги, которые мы выбираем»! Рассказы О. Генри не раз были экранизированы, их знают и любят во всем мире. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137795-3

© О. Генри, 1899–1909

© ФТМ, 1899–1909

© Издательство АСТ, 1899–1909

Содержание

Русские соболя	6
Алое платье	11
Последний лист	14
Золото и любовь	18
По первому требованию	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

О. Генри
Супружество как точная наука
(Сборник рассказов)

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Русские соболя

Когда синие, как ночь, глаза Молли Мак-Кивер положили Малыша Брэди на обе лопатки, он вынужден был покинуть ряды банды «Дымовая труба». Такова власть нежных укоров подружки и ее упрямого пристрастия к порядочности. Если эти строки прочтет мужчина, пожелаем ему испытать на себе столь же благотворное влияние завтра, не позднее двух часов пополудни, а если они попадутся на глаза женщине, пусть ее любимый шпиц, явившись к ней с утренним приветом, даст пощупать свой холодный нос – залог собачьего здоровья и душевного равновесия хозяйки.

Банда «Дымовая труба» заимствовала свое название от небольшого квартала, который представляет собой вытянутое в длину, как труба, естественное продолжение небезызвестного городского района, именуемого Адовой кухней. Пролегая вдоль реки, параллельно Одиннадцатой и Двенадцатой авеню, Дымовая труба огибает своим прокопченным коленом маленький, унылый, неприятный Клинтон-парк. Вспомнив, что дымовая труба – предмет, без которого не обходится ни одна кухня, мы без труда уясним себе обстановку. Мастеров заваривать кашу в Адовой кухне сыщется немало, но высоким званием шеф-повара облечены только члены банды «Дымовая труба».

Представители этого никем не утвержденного, но пользующегося широкой известностью братства, разодетые в пух и прах, цветут, словно оранжерейные цветы, на углах улиц, посвящая, по-видимому, все свое время уходу за ногтями с помощью пилочек и перочинных ножиц. Это безобидное занятие, являясь неоспоримой гарантией их благонадежности, позволяет им также, пользуясь скромным лексиконом в две сотни слов, вести между собой непринужденную беседу, которая покажется случайному прохожему столь же незначительной и невинной, как те разговоры, какие можно услышать в любом респектабельном клубе несколькими кварталами ближе к востоку.

Однако деятели «Дымовой трубы» не просто украшают собой уличные перекрестки, предаваясь хохоту ногтей и культивированию небрежных поз. У них есть и другое, более серьезное занятие – освобождать обывателей от кошечек и прочих ценностей. Достигается это, как правило, путем различных оригинальных и малоизученных приемов, без шума и кровопролития. Но в тех случаях, когда ошарашенный их вниманием обыватель не выражает готовности облегчить себе карманы, ему предоставляется возможность излить свои жалобы в ближайшем полицейском участке или в приемном покое больницы.

Полицию банда «Дымовая труба» заставляет относиться к себе с уважением и быть всегда начеку. Подобно тому как булькающие трели соловья доносятся к нам из непроглядного мрака ветвей, так пронзительный полицейский свисток, призывающий фараонов на подмогу, прорезает глухой ночью тишину темных и узких закоулков Дымовой трубы. И люди в синих мундирах знают: если из Трубы потянуло дымком – значит, развели огонь в Адовой кухне.

Малыш Брэди обещал Молли стать паинькой. Малыш был самым сильным, самым изобретательным, самым франтоватым и самым удачливым из всех членов банды «Дымовая труба». Понятно, что ребятам жаль было его терять.

Но, следя за его погружением в пучину добродетели, и они не выражали протеста. Ибо, когда парень следует советам своей подружки, в Адовой кухне про него не скажут, что он поступает недостойно или не по-мужски.

Можешь подставить ей фонарь под глазом, чтоб крепче любила, – это твое личное дело, но выполни то, о чем она просит.

– Закрой свой водоразборный кран, – сказал Малыш как-то вечером, когда Молли, заливаясь слезами, молила его покинуть стезю порока. – Я решил выйти из банды. Кроме тебя, Молли, мне ничего не нужно. Заживем с тобой тихо-скромно. Я устраюсь на работу, и через

год мы с тобой поженимся. Я сделаю это для тебя. Снимем квартирку, заведем канарейку, купим швейную машинку и фикус в кадке и попробуем жить честно.

– Ах, Малыш! – воскликнула Молли, смахивая платочком пудру с его плеча. – За эти твои слова я готова отдать весь Нью-Йорк со всем, что в нем есть! Да много ли нам нужно, чтобы быть счастливыми.

Малыш не без грусти поглядел на свои безукоризненные манжеты и ослепительные лакированные туфли.

– Труднее всего придется по части барахла, – заявил он. – Я ведь всегда питал слабость к хорошим вещам. Ты знаешь, Молли, как я ненавижу дешевку. Этот костюм обошелся мне в шестьдесят пять долларов. Насчет одежды я разборчив – все должно быть первого сорта, иначе это не для меня. Если я начну работать – тогда прощай маленький человечек с большими ножницами!

– Пустяки, дорогой! Ты будешь мне мил в синем свитере ничуть не меньше, чем в красном автомобиле.

На заре своей юности Малыш, пока еще не вошел в силу настолько, чтобы одолеть своего папашу, обучался паяльному делу. К этой полезной и почтенной профессии он теперь и вернулся. Но ему пришлось стать помощником хозяина мастерской, а ведь это только хозяева мастерских – отнюдь не их помощники – носят брильянты величиной с горошину и позволяют себе смотреть свысока на мраморную колоннаду, украшающую особняк сенатора Кларка.

Восемь месяцев пролетели быстро, как между двумя актами пьесы. Малыш в поте лица зарабатывал свой хлеб, не обнаруживая никаких опасных склонностей к рецидиву, а банда «Дымовая труба» по-прежнему бесчинствовала «на большой дороге», раскраивала черепа полицейским, задерживала запоздалых прохожих, изобретала новые способы мирного опустошения карманов, копировала покрой платья и тона галстуков Пятой авеню и жила по собственным законам, открыто попирая закон. Ни Малыш крепко держался своего слова и своей Молли, хотя блеск и сошел с его давно не полированных ногтей и он теперь минут пятнадцать протаскивал перед зеркалом пытаясь повязать свой темно-красный шелковый галстук так, чтобы не видно было мест, где он протерся.

Однажды вечером он явился к Молли с каким-то таинственным свертком под мышкой.

– Ну-ка, Молли, разверни! – небрежно бросил он, широким жестом протягивая ей сверток. – Это тебе.

Нетерпеливые пальчики разодрали бумажную обертку. Молли громко вскрикнула, и в комнату ворвался целый выводок маленьких Мак-Киверов, а следом за ними – и мамаша Мак-Кивер; как истая дочь Евы, она не позволила себе ни единой лишней секунды задержаться у лоханки с грязной посудой.

Снова вскрикнула Молли, и что-то темное, длинное и волнистое мелькнуло в воздухе и обвило ее плечи, словно боа-констриктор.

– Русские соболя! – горделиво изрек Малыш, любуясь круглой девичьей щекой, прильнувшей к податливому меху. – Первосортная вещица. Впрочем, перевороши хоть всю Россию – не найдешь ничего, что было бы слишком хорошо для моей Молли.

Молли сунула руки в муфту и бросилась к зеркалу, опрокинув по дороге двух-трех сосунков из рода Мак-Киверов. Вниманию редакторов отдела рекламы! Секрет красоты (сияющие глаза, разрумьянившиеся щеки, пленительная улыбка): Один Гарнитур из Русских Соболей. Обращайтесь за справками.

Оставшись с Малышом наедине, Молли почувствовала, как в бурный поток ее радости проникла льдинка холодного рассудка.

– Ты настоящее золото, Малыш, – сказала она благодарно. – Никогда в жизни я еще не носила мехов. Но ведь русские соболя, кажется, безумно дорогая штука? Помнится, мне кто-то говорил.

– А разве ты замечала, Молли, чтобы я подсовывал тебе какую-нибудь дрянь с дешевой распродажи? – спокойно и с достоинством спросил Малыш. – Может, ты видела, что я торчу у прилавков с остатками или глазею на витрины «любой предмет за десять центов»? Допусти, что это боа стоит двести пятьдесят долларов и муфта – сто семьдесят пять. Тогда ты будешь иметь некоторое представление о стоимости русских соболей. Хорошие вещи – моя слабость. Черт поberi, этот мех тебе к лицу, Молли.

Молли, сияя от восторга, прижала муфту к груди. Но мало-помалу улыбка сбежала с ее лица, и она пытливым и грустным взором посмотрела Малышу в глаза.

Малыш уже давно научился понимать каждый ее взгляд; он рассмеялся, и щеки его порозовели.

– Выкинь это из головы, – пробормотал он с грубоватой лаской. – Я ведь сказал тебе, что с прежним покончено. Я купил этот мех и заплатил за него из своего кармана.

– Из своего заработка, Малыш? Из семидесяти пяти долларов в месяц?

– Ну да. Я откладывал.

– Откладывал? Постой, как же это... Четыреста двадцать пять долларов за восемь месяцев...

– Ах, да перестань ты высчитывать! – с излишней горячностью воскликнул Малыш. – У меня еще оставалось кое-что, когда я пошел работать. Ты думаешь, я снова с ними связался?! Но я же сказал тебе, что покончил с этим. Я честно купил этот мех, понятно? Надень его и пойдем прогуляемся.

Молли постаралась усыпить свои подозрения. Соболя хорошо убаюкивают. Горделиво, как королева, выступала она по улице под руку с Малышом. Здешним жителям еще никогда не доводилось видеть подлинных русских соболей. Весть о них облетела квартал, и все окна и двери мгновенно обросли гроздьями голов. Каждому любопытно было поглядеть на шикарный соболий мех, который Малыш Брэди преподнес своей милашке. По улицам разносились восторженные «ахи» и «охи», и баснословная сумма, уплаченная за соболя, передаваясь из уст в уста, неуклонно росла. Малыш с видом владетельного принца шагал по правую руку Молли. Трудовая жизнь не излечила его от пристрастия к первосортным и дорогим вещам, и он все так же любил пустить пыль в глаза. На углу, предаваясь приятному безделью, торчала кучка молодых людей в безукоризненных костюмах. Члены банды «Дымовая труба» приподняли шляпы, приветствуя подружку Малыша, и возобновили свою непринужденную беседу.

На некотором расстоянии от вызывавшей сенсацию парочки появился сыщик Рэнсом из Главного полицейского управления. Рэнсом считался единственным сыщиком, который мог безнаказанно прогуливаться в районе Дымовой трубы. Он был не трус, старался поступать по совести и, посещая упомянутые кварталы, исходил из предпосылки, что обитатели их такие же люди, как и все прочие. Многие относились к Рэнсому с симпатией и, случалось, подсказывали ему, куда он должен направить свои стопы.

– Что это за волнение там на углу? – спросил Рэнсом бледного юнца в красном свитере.

– Все вышли поглазеть на бизоньи шкуры, которые Малыш Брэди повесил на свою девчонку, – отвечал юнец. – Говорят, он отвалил за них девятьсот долларов. Шикарная покрывка, ничего не скажешь.

– Я слышал, что Брэди уже с год как занялся своим старым ремеслом, – сказал сыщик. – Он ведь больше не вожжается с бандой?

– Ну да, он работает, – подтвердил красный свитер. – Послушайте, приятель, а что меха – это не по вашей части? Пожалуй, таких зверей, как нацепила на себя его девчонка, не поймаетшь в паяльной мастерской.

Рэнсом нагнал прогуливающуюся парочку на пустынной улице у реки. Он тронул Малыша за локоть.

– На два слова, Брэди, – сказал он спокойно. Взгляд его скользнул по длинному пушистому боа, элегантно спадающему с левого плеча Молли. При виде сыщика лицо Малыша потемнело от застарелой ненависти к полиции. Они отошли в сторону.

– Ты был вчера у миссис Хезкоут на Западной Семьдесят второй? Чинил водопровод?

– Был, – сказал Малыш. – А что?

– Гарнитур из русских соболей, стоимостью в тысячу долларов, исчез оттуда одновременно с тобой. По описанию он очень похож на эти меха, которые украшают твою девушку.

– Поди ты... поди ты к черту, – запальчиво сказал Малыш. – Ты знаешь, Рэнсом, что я покончил с этим. Я купил этот гарнитур вчера у...

Малыш внезапно умолк, не закончив фразы.

– Я знаю, ты честно работал последнее время, – сказал Рэнсом. – Я готов сделать для тебя все, что могу. Если ты действительно купил этот мех, пойдем вместе в магазин, и я наведу справки. Твоя девушка может пойти с нами и не снимать пока что соболей. Мы сделаем все тихо, без свидетелей. Так будет правильно, Брэди.

– Пошли, – сердито сказал Малыш. Потом вдруг остановился и с какой-то странной кривой улыбкой поглядел на расстроенное, испуганное личико Молли.

– Ни к чему все это, – сказал он угрюмо. – Это старухины соболя. Тебе придется вернуть их, Молли. Но если б даже цена им была миллион долларов, все равно они недостаточно хороши для тебя.

Молли с искаженным от горя лицом уцепилась за рукав Малыша.

– О Малыш, Малыш, ты разбил мое сердце! – простонала она. – Я так гордилась тобой... А теперь они укутуют тебя – и конец нашему счастью!

– Ступай домой! – вне себя крикнул Малыш. – Идем, Рэнсом, забирай меха. Пошли, чего ты стоишь! Нет, постой, ей-богу, я... К черту, пусть меня лучше повесят... Беги домой, Молли. Пошли, Рэнсом.

Из-за угла дровяного склада появилась фигура полицейского Коуна, направляющегося в обход речного района. Сыщик поманил его к себе. Коун подошел, и Рэнсом объяснил ему положение вещей.

– Да, да, – сказал Коун. – Я слышал, что пропали соболя. Так ты их нашел?

Коун приподнял на ладони конец собольего боа – бывшей собственности Молли МакКивер – и внимательно на него поглядел.

– Когда-то я торговал мехами на Шестой авеню, – сказал он. – Да, конечно, это соболя. С Аляски. Боа стоит двенадцать долларов, а муфта...

Бац! Малыш своей крепкой пятерней запечатал полицейскому рот. Коун покачнулся, но сохранил равновесие. Молли взвизгнула. Сыщик бросился на Малыша и с помощью Коуна надел на него наручники.

– Это боа стоит двенадцать долларов, а муфта – девять, – упорствовал полицейский. – Что вы тут толкуете про русские соболя?

Малыш опустил на грудь бревен, и лицо его медленно залилось краской.

– Правильно, Всезнайка! – сказал он, с ненавистью глядя на полицейского. – Я заплатил двадцать один доллар пятьдесят центов за весь гарнитур. Я, Малыш, шикарный парень, презирающий дешевку! Мне легче было бы отсидеть шесть месяцев в тюрьме, чем признаться в этом. Да, Молли, я просто-напросто хвастун – на мой заработок не купишь русских соболей.

Молли кинулась ему на шею.

– Не нужно мне никаких денег и никаких соболей! – воскликнула она. – Ничего мне на свете не нужно, кроме моего Малыша! Ах ты, глупый, глупый, тупой, как индюк, сумасшедший задавала!

– Сними с него наручники, – сказал Коун сыщику. – На участок уже звонили, что эта особа нашла свои соболя – они висели у нее в шкафу. Молодой человек, на этот раз я прощаю вам непочтительное обращение с моей физиономией.

Рэнсом протянул Молли ее меха. Не сводя сияющего взора с Малыша, она грациозным жестом, достойным герцогини, набросила на плечи боа, перекинув один конец за спину.

– Пара молодых идиотов, – сказал Коун сыщику. – Пойдем отсюда.

Алое платье

Алый цвет сейчас в ходу. Вы замечаете это на улице. Конечно, другие цвета тоже не менее модны. Я на днях видел премиленькую дамочку: оливково-зеленый альбатрос, юбка с тройной оборкой, с инкрустациями в виде квадратиков из шелка, кружевное фишю над фигаро, рукава с двойными буфами, перетянутыми ленточками и образующими внизу два шу. Но все-таки встречается много алых платьев. Попробуйте пройтись вечером по Двадцать третьей улице.

Поэтому Мейда – девушка с большими карими глазами и волосами цвета корицы, служащая в универсальном магазине «Улей», – сказала Грес, девушке с брошкой из самоцветных камней и с запахом мятных лепешек в разговоре:

– У меня будет алое платье, алое платье от портного ко Дню благодарения.

– Ах, вот как! – сказала Грес и убрала перчатки $7\frac{1}{2}$ в коробку $6\frac{3}{4}$. – Ну, я предпочитаю красный цвет. На Пятой авеню видишь больше красного. И мужчины, по-видимому, любят больше красное.

– Мне больше нравится алый цвет, – сказала Мейда. – И старый Шлегель обещал сделать мне платье за восемь долларов. Оно будет премиленькое. У меня будет плиссированная юбка, а на жакетке – отделка: галун, белый суконный, и воротничок с двумя рядами...

– Ну и штучка же ты! – сказала Грес, с особенной манерой прищуривая глаза.

– ... с двумя рядами сутажа над плиссированной белой жилеткой, баска складками и...

– Хитрая штучка! – повторила Грес.

– ... рукава буф *gigot*, перетянутые у манжет бархатными ленточками. А что ты хочешь этим сказать?

– Ты думаешь, что мистер Рамзай любит алый цвет? Я слышала, как он вчера говорил, что находит темные оттенки красного очень эффектными.

– Мне все равно, – сказала Мейда. – Я предпочитаю алый цвет, а те, которым он не нравится, могут перейти на другую сторону улицы.

Это замечание Мейды наводит на размышления: в конце концов, поклонники алого цвета могут испытать разочарование. Опасность близка, когда девушка воображает, что она может носить алый цвет независимо от своего цвета лица и чужих убеждений, и когда императоры думают, что их алые мантии без износа.

Мейда скопила благодаря восьмимесячной экономии восемнадцать долларов. Из этих денег она купила материал для алого платья и заплатила Шлегелю четыре доллара вперед за работу. Накануне Дня благодарения у нее будет как раз достаточно денег, чтобы заплатить оставшиеся четыре доллара. И тогда она в праздник – в новом платье. Может ли земля предложить девушке что-либо более восхитительное?

Старый Бахман, владелец универсального «Улья», ежегодно в День благодарения угощал своих служащих обедом. А потом в каждый из последующих трехсот шестидесяти четырех дней, исключая воскресенья, он имел обыкновение напоминать им о радостях минувшего банкета и о надеждах на грядущие, побуждая их этим относиться к работе с усиленным энтузиазмом. Обед сервировали в самом магазине, на одном из длинных средних столов. Окна на улицу завешивались оберточной бумагой, а индюшка и другие вкусные вещи приносились через черный ход из ресторана на углу. Отсюда вы можете заключить, что «Улей» не был шикарным универсальным магазином с лифтами и прочими усовершенствованиями. Вы могли войти в него сразу, получить что нужно и благополучно выйти. На «благодарственных» обедах мистер Рамзай всегда...

Ах, батюшки! Прежде всего я должен был упомянуть о мистере Рамзае. Он куда значительнее алого или зеленого цвета и даже красного брусничного салата.

Мистер Рамзай был старшим приказчиком, и, поскольку это вообще касается меня, я ему симпатизирую. Он никогда не щипал девушек за руку при встрече с ними в темных уголках магазина. И когда он в часы застоя торговли рассказывал им разные истории и девушки хихикали и восклицали: «ах! фу!» – дело было не в фривольностях. Он был настоящим джентльменом, но в других отношениях отличался оригинальными причудами. Он был помешан на здоровье и считал, что люди никогда не должны есть то, что им нравится.

Он резко восставал против всяких удобств и возмущался, когда люди спешили укрыться под крышей от снежной вьюги, или носили галоши, или принимали лекарства, или так или иначе холили себя. Каждая из десяти продавщиц видела каждую ночь в своих сонных грезах – свиные котлеты с жареным луком, – что она стала миссис Рамзай. Ведь в будущем году старый Бахман сделает его своим компаньоном. И каждая из них отлично знала, что, если ей удастся его поймать, она вышибет из него его манию здоровья самым радикальным образом и даже раньше, чем у него пройдет несварение желудка, вызванное свадебным тортом.

Мистер Рамзай был церемониймейстером на этих обедах. Два итальянских музыканта играли обыкновенно на скрипке и на арфе, и после обеда в магазине устраивались танцы.

Два платья были задуманы, чтобы околдовать Рамзая: одно алое, другое красное. Конечно, остальные девушки также будут на обеде в платьях, но они в счет не шли. Они, по всей вероятности, наденут какие-нибудь белые блузки с черными юбками; куда же им равняться с ослепительными алым и красным? Грес также накопила деньжонок. Она решила купить платье готовое. Какой смысл возиться с портными, когда обладаешь такой хорошей фигурой? Готовое и предназначается для идеальной фигуры – только чуть-чуть ушить в талии. Эти средние размеры отличаются ужас какой широкой талией.

Наступил вечер, канун Дня благодарения. Мейда спешила домой, бодрая и счастливая в ожидании благословенного завтра. Ее мысли были алого цвета: она была полна счастливого энтузиазма молодости к удовольствиям: юность должна иметь удовольствия, если она не хочет зачахнуть. Она знала, что алый цвет будет ей к лицу и в тысячный раз старалась убедить себя, что мистеру Рамзаю нравится именно алый, а не красный цвет. Она сначала пойдет домой, чтобы взять четыре доллара, завернутые в папиросную бумагу и спрятанные в последнем ящике комода, а потом снесет деньги Шлегелю и сама возьмет свое платье домой.

Грес жила в том же доме. Она занимала комнату над Мейдой. Дома Мейда застала гвалт и сумятицу. Хозяйка в передней злобно вертела языком, словно сбивала им масло в маслобойке.

Затем Грес зашла к ней в комнату с глазами, красными, что твое красное платье.

– Она говорит, чтоб я убиралась вон! – сказала Грес. – Старая скотина! Потому, что я задолжала ей четыре доллара, она выставила мой сундук в переднюю и заперла дверь на ключ. Мне некуда идти. У меня нет ни одного цента...

– У тебя вчера были деньги! – сказала Мейда.

– Я купила на них мое платье, – сказала Грес. – Я думала, что она подождет с квартирной платой до будущей недели.

Всхлипывание – рыдание, рыдание – всхлипывание. Ничего не поделаешь: Мейдиным четырем долларам пришлось появиться на свет.

– Прелесть моя ненаглядная! – воскликнула Грес, превратившаяся из солнечного заката в раду. – Я сейчас заплачу этой подлой старой ведьме, а потом примерю свое платье. Помоему, оно божественное. Поднимись ко мне и посмотри. Я выплачу тебе эти деньги по доллару в неделю, – честное слово.

День благодарения

Обед был назначен в полдень. Без четверти двенадцать Грес проскользнула в комнату Мейды. Да, она выглядела очаровательной. Красный цвет был словно создан для нее. Мейда

сидела у окна в старой шевиотовой юбке и в голубой блузке, штопая свой чул... виноват, занимаясь изящным дамским рукоделием.

– Ты еще не одета? – взвизгнула девица в красном. – А что, на спине хорошо у меня сидит, посмотри-ка? Ты не находишь, что эти бархатные вставки здорово шикарны? Почему ты до сих пор не одета, Мейда?

– Мое алое платье не поспело, – сказала Мейда. – Я не пойду на обед.

– Вот ужас-то! Мне страшно жаль тебя, Мейда. Надень что-нибудь другое и походи. Ведь будут только наши магазинные: они не осудят.

– Я мечтала об алом платье, – сказала Мейда. – Раз у меня его нет, я лучше совсем не пойду. Не беспокойся обо мне. Беги скорее, а то опоздаешь. Ты ужасно интересна в красном.

Мейда просидела у окна добрую часть дня. Обед в магазине уже прошел. Она мысленно слышала крики девушек, вырывающих друг у дружки косточку «бери да помни», слышала, как грохотал старый Бахман над своими собственными глубоко туманными остротами; она видела бриллианты на жирной миссис Бахман, появлявшейся в магазине только в День благодарения, она видела мистера Рамзая. Он, конечно, был все время на ногах, ловкий, проворный, внимательный, и старался, чтобы всем было хорошо.

В четыре часа дня Мейда с лицом, лишенным выражения, и с безжизненным видом медленно дошла до Шлегеля и сказала ему, что не может уплатить ему четыре доллара, которые она должна ему за платье.

– Donnerwetter! – сердито воскликнул Шлегель. – Отчего это у вас такой унылый вид? Заберите ваше платье. Оно готово. Когда-нибудь заплатите. Разве я не вижу, как вы проходите мимо моего магазина каждый день уже два года? Оттого, что я шью платья, я не должен понимать людей? Вы мне потом заплатите, когда сможете. Забирайте платье. Оно мне очень удалось. Вы будете в нем очень хорошенькой. Да. Заплатите, когда сможете...

Мейда прошептала миллионную часть благодарности, наполнявшей ее сердце, и убежала со своим платьем. Когда она выходила из магазина, хлесткая струя дождя ударила ее по лицу. Она улыбнулась, не почувствовав этого.

О, вы, дамы, разъезжающие за покупками в экипажах, вы ее не поймете. Девушки, гардероб которых заполняется за счет вашего папаши, вам тоже не понять, почему Мейда не почувствовала холодной струи благодарственного дождя.

В пять часов она вышла на улицу в своем алом платье. Дождь усилился и поливал ее непрерывным потоком, подгоняемым ветром. Люди спешили домой или в трамвай, закрывшись зонтиками и плотно застегнув макинтоши. Многие удивленно оборачивались на красивую, спокойную девушку со счастливыми глазами, которая шла в алом платье среди бури, словно прогуливалась в саду под летними небесами. Я уже сказал, что вам не понять ее, дамы с туго набитыми кошельками и гардеробными шкапами; вы не знаете, что значит жить в постоянной тоске по красивым вещам и недоедать в течение восьми месяцев, чтобы свести воедино алое платье и праздничный день. Что ей теперь до дождя, града, вихря, снега, циклона?

У Мейды не было ни зонтика, ни галош. На ней было только алое платье, и она шла в нем по улице. Пускай стихия разыгрывается вовсю. Изголодавшееся сердце должно получить хоть одну крупицу за год. Дождь лил на нее и стекал с ее пальцев.

Какой-то мужчина показался из-за угла и загородил ей дорогу. Она подняла глаза и встретила взгляд мистера Рамзая, сверкавший восхищением и сочувствием.

– О мисс Мейда! – сказал он. – Вы положительно великолепны в вашем новом платье. Я был ужасно разочарован, не видя вас за обедом. Из всех девушек, которых я знаю, вы проявляете больше всего здравого смысла и разума. Ничего не может быть полезнее для здоровья и ничто так не укрепляет дух, как ваша манера бравировать погодой... Разрешите мне пройтись с вами?

Мейда покраснела и чихнула.

Последний лист

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два. Некому художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси – уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

– У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, – сказал он, стряхивая ртуть в термометре. – И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопея теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

– Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

– Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, например, мужчины?

– Мужчины? – переспросила Сью, и ее голос зазвучал резко, как губная гармоника. – Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

– Ну, тогда она просто ослабла, – решил доктор. – Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушел, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертежной доской, насвистывая рэгтайм.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шепот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала – считала в обратном порядке.

– Двенадцать, – произнесла она, и немного погодя: – одиннадцать, – а потом: – «десять» и «девять», а потом: – «восемь» и «семь» – почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

– Что там такое, милая? – спросила Сью.

– Шесть, – едва слышно ответила Джонси. – Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

– Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

– Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

– Первый раз слышу такую глупость! – с великолепным презрением отпарировала Сью. – Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?... что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюзи закончить рисунок, чтобы она могла сбывать его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

– Вина тебе покупать больше не надо, – отвечала Джонси, пристально глядя в окно. – Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

– Джонси, милая, – сказала Сью, наклоняясь над ней, – обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

– Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? – холодно спросила Джонси.

– Мне бы хотелось посидеть с тобой, – сказала Сью. – А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

– Скажи мне, когда кончишь, – закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, – потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, – лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

– Постарайся уснуть, – сказала Сью. – Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым

художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злощастный старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевельными ягодами, в его полутемной каморке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

– Что! – кричал он. – Возможна ли такая глупость – умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

– Она очень больна и слаба, – сказала Сью, – и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, – если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

– Вот настоящая женщина! – закричал Берман. – Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

– Подними ее, я хочу посмотреть, – шепотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща – последний! Все еще темнозеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

– Это последний, – сказала Джонси. – Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

– Да бог с тобой! – сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке.

– Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

– Я была скверной девчонкой, Сьюзи, – сказала Джонси. – Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

– Сьюзи, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

– Шансы равные, – сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. – При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

– Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход – и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой – вместе с подушкой.

– Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, – начала она. – Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана – он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

Золото и любовь

Старик Энтони Рокволл, удалившийся от дел фабрикант и владелец патента на мыло «Эврика», выглянул из окна библиотеки в своем особняке на Пятой авеню и ухмыльнулся. Его сосед справа, аристократ и клубмен Дж. ван Шуйлайт Саффолк-Джонс, сидел в ожидавшую его машину, презрительно воротя нос от мыльного палатца, фасад которого украшала скульптура в стиле итальянского Возрождения.

– Ведь просто старое чучело банкрота, а сколько спеси! – заметил бывший мыльный король. – Берег бы лучше свое здоровье, замороженный Нессельроде, таких теперь только в оперетке увидишь. Вот на будущее лето размалюю весь фасад красными, белыми и синими полосами – погляжу тогда, как он сморщит свой голландский нос.

И тут Энтони Рокволл, всю жизнь не одобрявший звонков, подошел к дверям библиотеки и заорал: «Майк!» – тем самым голосом, от которого когда-то чуть не лопалось небо над канзасскими прериями.

– Скажите моему сыну, чтоб он зашел ко мне перед уходом из дому, – приказал он явившемуся на зов слуге.

Когда молодой Рокволл вошел в библиотеку, старик отложил газету и, взглянув на него с выражением добродушной суровости на полном и румяном, без морщин лице, одной рукой взъерошил свою седую гриву, а другой загремел ключами в кармане.

– Ричард, почему ты платишь за мыло, которым моешься? – спросил Энтони Рокволл.

Ричард, всего полгода назад вернувшийся домой из колледжа, слегка удивился. Он еще не вполне постиг своего папашу, который в любую минуту мог выкинуть что-нибудь неожиданное, словно девица на своем первом балу.

– Кажется, шесть долларов за дюжину, папа.

– А за костюм?

– Обыкновенно долларов шестьдесят.

– Ты джентльмен, – решительно изрек Энтони. – Мне говорили, будто бы молодые аристократы швыряют по двадцать четыре доллара за мыло и больше чем по сотне за костюм. У тебя денег не меньше, чем у любого из них, а ты все-таки держишься того, что умеренно и скромно. Сам я моюсь старой «Эврикой» – не только по привычке, но и потому, что это мыло лучше других. Если ты платишь больше десяти центов за кусок мыла, то лишнее с тебя берут за плохие духи и обертку. А пятьдесят центов вполне прилично для молодого человека твоих лет, твоего положения и состояния. Повторяю, ты – джентльмен. Я слышал, будто нужно три поколения для того, чтобы создать джентльмена. Это раньше так было. А теперь, с деньгами, оно получается куда легче и быстрее. Деньги тебя сделали джентльменом. Да я и сам почти джентльмен, ей-богу! Я ничем не хуже моих соседей – так же вежлив, приятен и любезен, как эти два спесивых голландца справа и слева, которые не могут спать по ночам из-за того, что я купил участок между ними.

– Есть вещи, которые не купишь за деньги, – мрачно заметил молодой Рокволл.

– Нет, ты этого не говори, – возразил обиженный Энтони. – Я всегда стою за деньги. Я прочел всю энциклопедию насквозь: все искал чего-нибудь такого, чего нельзя купить за деньги; так на той неделе придется, должно быть, взяться за дополнительные тома. Я за деньги против всего прочего. Ну, скажи мне, чего нельзя купить за деньги?

– Прежде всего, они не могут ввести вас в высший свет, – ответил уязвленный Ричард.

– Ого! Неужто не могут? – прогремел защитник корня зла. – Ты лучше скажи, где был бы весь твой высший свет, если бы у первого из Асторов не хватило денег на проезд в третьем классе?

Ричард вздохнул.

– Я вот к чему это говорю, – продолжал старик уже более мягко. – Потому я и попросил тебя зайти. Что-то с тобой неладно, мой мальчик. Вот уже две недели, как я это замечаю. Ну, выкладывай начистоту. Я в двадцать четыре часа могу реализовать одиннадцать миллионов наличными, не считая недвижимости. Если у тебя печень не в порядке, так «Бродяга» стоит под парами у пристани и в два дня доставит тебя на Багамские острова.

– Почти угадали, папа. Это очень близко к истине.

– Ага, так как же ее зовут? – проницательно заметил Энтони.

Ричард начал прохаживаться взад и вперед по библиотеке. Неотесанный старик отец проявил достаточно внимания и сочувствия, чтобы вызвать доверие сына.

– Почему ты не делаешь предложения? – спросил старик Энтони. – Она будет рада-раде-хонька. У тебя и деньги, и красивая наружность, ты славный малый. Руки у тебя чистые, они не запачканы мылом «Эврика». Правда, ты учился в колледже, но на это она не посмотрит.

– Все случая не было, – вздохнул Ричард.

– Устрой так, чтоб был, – сказал Энтони. – Ступай с ней на прогулку в парк или повези на пикник, а не то проводи ее домой из церкви. Случай! Тьфу!

– Вы не знаете, что такое свет, папа. Она из тех, которые вертят колесо светской мельницы. Каждый час, каждая минута ее времени распределены на много дней вперед. Я не могу жить без этой девушки, папа, без нее этот город ничем не лучше гнилого болота. А написать ей я не могу – просто не в состоянии.

– Ну вот еще! – сказал старик. – Неужели при тех средствах, которые я тебе даю, ты не можешь добиться, чтобы девушка уделила тебе час-другой времени?

– Я слишком долго откладывал. Послезавтра в полдень она уезжает в Европу и пробудет там два года. Я увижусь с ней завтра вечером на несколько минут. Сейчас она гостит в Ларчмонте у своей тетки. Туда я поехать не могу. Но мне разрешено встретить ее завтра вечером на Центральном вокзале, к поезду в восемь тридцать. Мы проедем галопом по Бродвею до театра Уоллока, где ее мать и остальная компания будут ожидать нас в вестибюле. Неужели вы думаете, что она станет выслушивать мое признание в эти шесть минут? Нет, конечно. А какая возможность объясниться в театре или после спектакля? Никакой! Нет, папа, это не так просто, ваши деньги тут не помогут. Ни одной минуты времени нельзя купить за наличные; если б было можно, богачи жили бы дольше других. Нет у меня надежды поговорить с мисс Лэнтри до ее отъезда.

– Ладно, Ричард, мой мальчик, – весело отвечал Энтони. – Ступай теперь в свой клуб. Я очень рад, что это у тебя не печень. Не забывай только время от времени воскурять фимиам на алтаре великого бога Маммона. Ты говоришь, деньги не могут купить времени? Ну, разумеется, нельзя заказать, чтобы вечность завернули тебе в бумажку и доставили на дом за такую-то цену, но я сам видел, какие мозоли на пятках натер себе старик Хронос, гуляя по золотым приискам.

В этот вечер к братцу Энтони, читавшему вечернюю газету, зашла тетя Эллен, короткая, сентиментальная, старенькая, словно пришибленная богатством, и, вздыхая, завела речь о страданиях влюбленных.

– Все это я от него уже слышал, – зевая, ответил братец Энтони. – Я ему сказал, что мой текущий счет к его услугам. Тогда он начал отрицать пользу денег. Говорит, будто бы деньги ему не помогут. Будто бы светский этикет не спихнуть с места даже целой упряжке миллионеров.

– Ах, Энтони, – вздохнула тетя Эллен. – Напрасно ты придаешь такое значение деньгам. Богатство ничего не значит там, где речь идет об истинной любви. Любовь всеильна. Если б он только объяснился раньше! Она бы не смогла отказать нашему Ричарду. А теперь, боюсь, уже поздно. У него не будет случая поговорить с ней. Все твое золото не может дать счастья нашему мальчику.

На следующий вечер ровно в восемь часов тетя Эллен достала старинное золотое кольцо из футляра, побитого молью, и вручила его племяннику.

– Надень его сегодня, Ричард, – попросила она. – Твоя мать подарила мне это кольцо и сказала, что оно приносит счастье в любви. Она велела передать его тебе, когда ты найдешь свою суженую.

Молодой Рокволл принял кольцо с благоговением и попробовал надеть его на мизинец. Оно дошло до второго сустава и застряло там. Ричард снял его и засунул в жилетный карман, по свойственной мужчинам привычке. А потом вызвал по телефону кеб.

В восемь часов тридцать две минуты он выловил мисс Лэнтри из говорливой толпы на вокзале.

– Нам нельзя задерживать маму и остальных, – сказала она.

– К театру Уоллока, как можно скорей! – честно передал кебмену Ричард.

С Сорок второй улицы они влетели на Бродвей и помчались по звездному пути, ведущему от мягких лугов Запада к скалистым утесам Востока.

Не доезжая Тридцать четвертой улицы, Ричард быстро поднял окошечко и приказал кебмену остановиться.

– Я уронил кольцо, – сказал он в извинение. – Оно принадлежало моей матери, и мне было бы жаль его потерять. Я не задержу вас: я видел, куда оно упало.

Не прошло и минуты, как он вернулся с кольцом. Но за эту минуту перед самым кебом остановился поперек дороги вагон трамвая. Кебмен хотел объехать его слева, но тяжелый почтовый фургон загородил ему путь. Он попробовал свернуть вправо, но ему пришлось попятиться назад от подводы с мебелью, которой тут было вовсе не место. Он хотел было повернуть назад – и только выругался, выпустив из рук вожжи. Со всех сторон его окружала невообразимая путаница экипажей и лошадей.

Создалась одна из тех уличных пробок, которые иногда совершенно неожиданно останавливают все движение в этом огромном городе.

– Почему вы не двигаетесь с места? – сердито спросила мисс Лэнтри. – Мы опоздаем.

Ричард встал в кебе и оглянулся по сторонам. Застывший поток фургонов, подвод, кебов, автобусов и трамваев заполнял обширное пространство в том месте, где Бродвей перекрещивается с Шестой авеню и Тридцать четвертой улицей, – заполнял так тесно, как девушка с талией в двадцать шесть дюймов заполняет двадцатидвухдюймовый пояс. И по всем этим улицам к месту их пересечения с грохотом катились еще экипажи, на полном ходу врезываясь в эту путаницу, цепляясь колесами и усиливая общий шум громкой бранью кучеров. Все движение Манхэттена будто застопорилось вокруг их экипажа. Ни один из нью-йоркских старожилов, стоявших в тысячной толпе на тротуарах, не мог припомнить уличного затора таких размеров.

– Простите, но мы, кажется, застряли, – сказал Ричард, усевшись на место. – Такая пробка и за час не рассосется. И виноват я. Если бы я не выронил кольца...

– Покажите мне ваше кольцо, – сказала мисс Лэнтри. – Теперь уже ничего не поделаешь, так что мне все равно. Да и вообще театр – это, по-моему, такая скука.

В одиннадцать часов вечера кто-то легонько постучался в дверь Энтони Рокволла.

– Войдите! – крикнул Энтони, он читал книжку о приключениях пиратов, облачившись в красный бархатный халат.

Это была тетя Эллен, похожая на седовласого ангела, по ошибке забытого на земле.

– Они обручились, Энтони, – кротко сказала тетя. – Она дала слово нашему Ричарду. По дороге в театр они попали в уличную пробку и целых два часа не могли двинуться с места.

И знаешь ли, братец Энтони, никогда больше не хвастайся силой твоих денег. Маленькая эмблема истинной любви, колечко, знаменующее собой бесконечную и бескорыстную преданность, помогло нашему Ричарду завоевать свое счастье. Он уронил кольцо на улице и вышел из кеба, чтобы поднять его. Но не успели они тронуться дальше, как создалась пробка. И вот,

пока кеб стоял, Ричард объяснился в любви и добился ее согласия. Деньги просто мусор по сравнению с истинной любовью, Энтони.

– Ну ладно, – ответил старик. – Я очень рад, что наш мальчик добился своего. Говорил же я ему, что никаких денег не пожалею на это дело, если...

– Но чем же тут могли помочь твои деньги, братец Энтони?

– Сестра, – сказал Энтони Рокволл. – У меня пират попал черт знает в какую переделку. Корабль у него только что получил пробоину, а сам он слишком хорошо знает цену деньгам, чтобы дать ему затонуть. Дай ты мне, ради бога, дочитать главу.

На этом рассказ должен бы кончиться. Автор стремится к концу всей душой, так же как стремится к нему читатель. Но нам надо еще спуститься на дно колодца за истиной.

На следующий день субъект с красными руками и в синем галстуке в горошек, назвавшийся Келли, явился на дом к Энтони Рокволлу и был немедленно допущен в библиотеку.

– Ну что же, – сказал Энтони, доставая чековую книжку, – неплохо сварили мыло. Посмотрим, – вам было выдано пять тысяч?

– Я приплатил триста долларов своих, – сказал Келли. – Пришлось немножко превысить смету. Фургоны и кебы я нанимал по пять долларов, подводы и двуконные упряжки запрашивали по десять. Шоферы требовали не меньше десяти долларов, а фургоны с грузом и все двадцать. Всего дороже обошлись полицейские: двоим я заплатил по полсотне, а прочим по двадцать и по двадцать пять. А ведь здорово получилось, мистер Рокволл? Я очень рад, что Уильям А. Брэди не видел этой небольшой массовой сценки на колесах; я ему зла не желаю, а беднягу, верно, хватил бы удар от зависти. И ведь без единой репетиции! Ребята были на месте секунда в секунду. И целых два часа южнее памятника Грили даже пальца негде было просунуть.

– Вот вам тысяча триста, Келли, – сказал Энтони, отрывая чек. – Ваша тысяча да те триста, что вы потратили из своих. Вы ведь не презираете денег, Келли?

– Я? – сказал Келли. – Я бы убил того, кто выдумал бедность.

Келли был уже в дверях, когда Энтони окликнул его.

– Вы не заметили там где-нибудь в толпе этакого пухлого мальчишку с луком и стрелами и совсем раздетого? – спросил он.

– Что-то не видал, – ответил озадаченный Келли. – Если он был такой, как вы говорите, так, верно, полиция забрала его еще до меня.

– Я так и думал, что этого озорника на месте не окажется, – ухмыльнулся Энтони. – Всего наилучшего, Келли!

По первому требованию

В те дни скотоводы были помазанниками. Они были самодержцами стад, повелителями пастбищ, лордами лугов, грандами говядины. Они могли бы разъезжать в золотых каретах, если бы имели к этому склонность. Доллары сыпались на них дождем. Им даже казалось, что денег у них гораздо больше, чем прилично иметь человеку. Ибо после того, как скотовод покупал себе золотые часы с вделанными в крышку драгоценными камнями такой величины, что они натирали ему мозоли на ребрах, обзаводился калифорнийским седлом с серебряными гвоздиками и стремянами из ангорской кожи и ставил даровую выпивку в неограниченном количестве всем встречным и поперечным, – на что ему еще было тратить деньги?

Те герцоги лассо, у которых имелись жены, были не столь ограничены в своих возможностях по части освобождения от излишков капитала. Созданный из адамова ребра пол на этот счет более изобретателен, и в груди его представительниц гений облегчения кошельков может дремать годами, не проявляясь за отсутствием случая, но никогда, о мои братья, никогда он не угасает совсем!

Вот как случилось, что Длинный Билл Лонгли, гонимый женой человек, покинул заросли чапарала возле Бар-Серкл-Бранч на Фрио и прибыл в город, дабы вкусить от более утонченных радостей успеха. У него имелся капитал этак в полмиллиона долларов, и доходы его непрерывно возрастали.

Все свои ученые степени Длинный Билл получил в скотоводческом лагере и на степной тропе. Удача и бережливость, ясная голова и зоркий глаз на таящиеся в телке достоинства помогли ему подняться от простого ковбоя до хозяина стад. Потом начался бум в скотопромышленности, и Фортуна, осторожно пробираясь среди колючих кактусов, опорожнила рог изобилия на пороге его ранчо.

Лонгли построил себе роскошную виллу в маленьком западном городке Чаппарозе. И здесь он обратился в пленника, прикованного к колеснице светских обязанностей. Он обречен был стать столпом общества. Вначале он брыкался, как мустанг, впервые загнанный в корраль, потом со вздохом повесил на стену шпоры и арапник. Праздность тяготила его, время девать было некуда. Он организовал в Чаппарозе Первый Национальный банк и был избран его президентом.

Однажды в банке появился невзрачный человечек с геморроидальным цветом лица, в очках с толстыми стеклами, и просунул в окошечко главного бухгалтера служебного вида карточку. Через пять минут весь штат банка бегал и суетился, выполняя распоряжения ревизора, прибывшего для очередной ревизии.

Этот ревизор, мистер Дж. Эдгар Тодд, оказался весьма дотошным.

Закончив свои труды, ревизор надел шляпу и зашел в личный кабинет президента банка, мистера Уильяма Р. Лонгли.

– Ну, как делишки? – лениво протянул Билл, умеряя свой низкий, раскатистый голос. – Высмотрели какое-нибудь тавро, которое вам не по вкусу?

– Отчетность банка в полном порядке, мистер Лонгли, – ответил ревизор. – И ссуды все оформлены согласно правилам, за одним исключением. Тут есть одна очень неприятная бумажка – настолько неприятная, что я думаю, вы просто не представляли себе, в какое тяжелое положение она вас ставит. Я имею в виду ссуду в десять тысяч долларов с уплатой по первому требованию, выданную вами некоему Томасу Мервину. Она не только превышает ту максимальную сумму, какую вы по закону имеете право выдавать частным лицам, но при ней нет ни поручительства, ни обеспечения. Таким образом, вы вдвойне нарушили правила о национальных банках и подлежите уголовной ответственности. Если я доложу об этом Главному

контролеру, что я обязан сделать, он, без сомнения, передаст дело в департамент юстиции, и вас привлекут к суду. Положение, как видите, весьма серьезное.

Билл Лонгли сидел, откинувшись в своем вращающемся кресле, вытянув длинные ноги и сцепив руки на затылке. Не меняя позы, он слегка повернул кресло и поглядел ревизору в лицо. Тот с изумлением увидел, что жесткий рот банкира сложился в добродушную улыбку и в его голубых глазах блеснула насмешливая искорка. Если он и сознавал серьезность своего положения, по его виду это не было заметно.

– Ну да, конечно, – промолвил он с несколько даже снисходительным выражением, – вы ведь не знаете Томаса Мервина. Про эту ссуду мне все известно. Обеспечения при ней нет, только слово Тома Мервина. Но я уже давно заметил, что, если на слово человека можно положиться, так это и есть самое верное обеспечение. Ну да, я знаю, правительство думает иначе. Придется мне, значит, повидать Тома Мервина насчет этой ссуды.

У ревизора стал такой вид, как будто его геморрой внезапно разыгрался. Он с изумлением воззрился на степного банкира сквозь свои толстые стекла.

– Видите ли, – благодушно продолжал Лонгли, не испытывая, видимо, и тени сомнения в убедительности своих аргументов, – Том прослышал, что на Рио-Гранде у Каменного брода продается стадо двухлеток, две тысячи голов по восемь долларов за каждую. Я так думаю, что это старый Леандро Гарсиа перегнал их контрабандой через границу, ну и торопился сбыть с рук. А в Канзас-Сити этих коровок можно продать самое меньшее по пятнадцать долларов. Том это знал, и я тоже. У него наличных было шесть тысяч, ну я и дал ему еще десять, чтобы он мог обстряпать это дельце. Его брат Эд погнал все стадо на рынок еще три недели тому назад. Теперь уж вот-вот должен вернуться. Привезет деньги, и Том сейчас же заплатит.

Ревизор с трудом мог поверить своим ушам. По-настоящему, он должен был бы, услышав все это, немедленно пойти на почту и телеграфировать Главному контролеру. Но он этого не сделал. Вместо того он произнес прочувствованную и язвительную речь. Он говорил целых три минуты, и ему удалось довести банкира до сознания, что он стоит на краю гибели. А затем ревизор открыл перед ним узкую спасительную лазейку.

– Сегодня вечером я отправляюсь в Хиллдэл, – сказал он Биллу, – ревизовать тамошний банк. На обратном пути заеду в Чаппарозу. Завтра, ровно в двенадцать, буду у вас в банке. Если ссуда к тому времени будет уплачена, я не упомяну о ней в отчете. Если нет, я вынужден буду исполнить свой долг.

Засим ревизор раскланялся и удалился.

Президент Первого Национального банка еще с полчаса посидел развалившись в своем кресле, потом закурил легкую сигару и направился в контору Томаса Мервина.

Мервин, по внешности скотовод в парусиновых штанах, а по выражению глаз склонный к созерцательности философ, сидел, положив ноги на стол, и плел кнут из сыромятных ремней.

– Том, – сказал Лонгли, наваливаясь на стол, – есть какие-нибудь вести об Эде?

– Пока нету, – ответил Мервин, продолжая переплетать ремешки. – Денька через два-три, наверно, сам приедет.

– Сегодня у нас в банке был ревизор, – продолжал Билл. – Лазил по всем углам, как увидел твою расписку, так и встал на дыбы. Мы-то с тобой знаем, что тут все в порядке, но, черт его дери, все-таки это против банковских правил. Я рассчитывал, что ты успеешь заплатить до очередной ревизии, но этот сукин сын нагрязнул, когда его никто не ждал. У меня-то сейчас наличных, как на грех, ни цента, а то бы я сам за тебя заплатил. Он мне дал срок до завтра; завтра, ровно в полдень, я должен либо выложить на стол деньги вместо этой расписки, либо...

– Либо что? – спросил Мервин, так как Билл запнулся.

– Да похоже, что тогда дядя Сэм лягнет меня обоими каблуками.

– Я постараюсь вовремя доставить тебе деньги, – ответил Мервин, не поднимая глаз от своих ремешков.

– Спасибо, Том, – сказал Лонгли, поворачиваясь к двери. – Я знал, что ты сделаешь все, что возможно.

Мервин швырнул на пол свой кнут и пошел в другой банк, имевшийся в городе. Это был частный банк Купера и Крэга.

– Купер, – сказал Мервин тому из компаньонов, который носил это имя, – мне нужно десять тысяч долларов. Сегодня или, самое позднее, завтра утром. У меня здесь есть дом и участок земли стоимостью в шесть тысяч долларов. Вот пока что все мои обеспечения. Но у меня на мази одно дельце, которое через несколько дней принесет вдвое больше.

Купер начал покашливать.

– Только, ради бога, не отказывайте, – сказал Мервин. – Я, понимаете ли, взял ссуду на десять тысяч. С уплатой по первому требованию. Ну и вот ее потребовали. А с этим человеком, что ее потребовал, я десять лет спал под одним одеялом у костра в лагерях и на степных дорогах. Он может потребовать все, что у меня есть, и я отдам. Скажет – дай всю кровь, что есть у тебя в жилах, и ему не будет отказа. Ему до зарезу нужны эти деньги. Он попал в чертовский... Ну, одним словом, ему нужны деньги, и я должен их достать. Вы же знаете, Купер, что на мое слово можно положиться.

– Безусловно, – с изысканной любезностью ответил Купер. – Но у меня есть компаньон. Я не волен сам распоряжаться ссудами. А кроме того, будь у вас даже самые верные обеспечения, мы все равно не могли бы предоставить вам ссуду раньше чем через неделю. Как раз сегодня мы отправляем пятнадцать тысяч долларов братьям Майерс в Рокделл для закупки хлопка. Посыльный с деньгами выезжает сегодня вечером по узкоколейке. Так что временно наша касса пуста. Очень сожалею, что ничем не можем вам служить.

Мервин вернулся к себе, в маленькую, спартански обставленную контору, и снова принялся плести свой кнут. В четыре часа дня он зашел в Первый Национальный банк и оперся о барьер перед столом Билла Лонгли.

– Постараюсь, Билл, достать тебе эти деньги сегодня вечером, то есть я хочу сказать, завтра утром.

– Хорошо, Том, – спокойно ответил Лонгли.

В девять часов вечера Том Мервин крадучись вышел из своего бревенчатого домика. Дом стоял на окраине города, и в такой час здесь редко кого можно было встретить. На голове у Мервина была шляпа с опущенными полями, за поясом два шестизарядных револьвера. Он быстро прошел по пустынной улице и двинулся дальше по песчаной дороге, тянувшейся вдоль полотна узкоколейки. В двух милях от города, у большой цистерны, где поезда брали воду, он остановился, обвязал нижнюю часть лица черным шелковым платком и надвинул шляпу на лоб.

Через десять минут вечерний поезд из Чаппарозы на Рокделл замедлил ход возле цистерны.

Держа в каждой руке по револьверу, Мервин выбежал из-за кустов и устремился к паровозу. Но в ту же минуту две длинных, могучих руки обхватили его сзади, приподняли над землей и кинули ничком в траву. В спину ему уперлось тяжелое колено, железные пальцы стиснули его запястья. Так его держали, словно малого ребенка, пока машинист не набрал воду и поезд, все убыстряя ход, не исчез вдали. Тогда его отпустили, и, поднявшись на ноги, он увидел перед собой Билла Лонгли.

– Это уж, Том, больше, чем требуется, – сказал Лонгли. – Я вечером встретил Купера, и он рассказал мне, о чем вы с ним говорили. Тогда я пошел к тебе и вдруг вижу, ты куда-то катишь, с пистолетами. Ну, я тебя и выследил. Идем-ка домой.

Они повернулись и рядышком пошли к городу.

– Я ничего другого не мог придумать, – помолчав, сказал Том. – Ты потребовал свою ссуду – и я старался выполнить обязательство. Но как же теперь, Билл? Что ты станешь делать, если тебя завтра цапнут?

– А что бы ты стал делать, если бы тебя сегодня цапнули? – осведомился Лонгли.

– Вот уж не думал, что буду когда-нибудь лежать в кустах и подкарауливать поезд, – задумчиво промолвил Мервин. – Но ссуда с возвратом по первому требованию – это дело совсем особое. Дал слово – значит, свято. Слушай, Билл, у нас еще двенадцать часов впереди, пока этот шпик на тебя насядет. Надо во что бы то ни стало раздобыть деньги. Не попробовать ли... Батюшки! Голубчики! Том! Слышишь?..

Мервин пустился бежать со всех ног, и Лонгли за ним, хотя ничего как будто не произошло – только откуда-то из темноты доносился не лишенный приятности свист: кто-то старательно насвистывал меланхолическую песенку «Жалоба ковбоя».

– Он только ее одну и знает, – крикнул на бегу Мервин. – Держу пари...

Они уже были у крыльца. Том ударом ноги распахнул дверь и споткнулся о старый чемодан, валявшийся посреди комнаты. На кровати лежал загорелый молодой человек с квадратным подбородком, весь в дорожной пыли, и попыхивал коричневой самокруткой.

– Ну как, Эд? – задыхаясь, воскликнул Мервин.

– Да так, ничего себе, – лениво отвечивал этот деловитый юноша. – Только сейчас приехал, в девять тридцать. Сбыл всех подчистую. По пятнадцать долларов. Э, да перестаньте же пинать ногами мой чемодан! В нем зелененьких на двадцать девять тысяч, можно бы, кажется, обращаться с ним по деликатнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.